

► К 160-летию со дня подписания Айгунского договора

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭПОПЕЯ ПОГРАНИЧНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ

В истории межгосударственных отношений России и Китая важное место занимают договорные документы по территориально-пограничным вопросам. Для российского Дальнего Востока на первом месте стоит Айгунский договор 1858 года, закрепивший начало второго этапа освоения русскими людьми Приамурья и Приморья. Этот документ важен и для России в целом.

Ключевые слова: Айгунский договор, Российская империя, Цинская империя, Приамурье, Приморье, Амур, Уссури, Шилка, Пекинский договор, Н. Н. Муравьев.

Keywords: The Treaty of Aigun, the Russian Empire, Qing Empire, Priamurye, Primorye, the Amur River, the Ussuri River, the Shilka River, the Convention of Beijing, N. N. Muravyov (also spelled as N. N. Muraviev).

Обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке в связи с Крымской войной (1853–1856 гг.), ускорила урегулирование нерешённых проблем в отношениях между Россией и Китаем, и прежде всего определение границы в «ничейных землях», выработку режима плавания судов по Амуру и Уссури и создание условий для русско-китайской торговли в этих районах.

Позиция русской стороны в отношении этих вопросов довольно полно была отражена в докладе сибирских администраторов, представленном в мае 1855 года великому князю Константину, где отмечалось, что, пока русские суда не смогут свободно ходить по Амуру, нельзя будет «удержать за собой укрепленное положение в устье его», в результате чего последнее может быть захвачено англичанами. Необходимость возвращения Россией Приамурья определялась и тем, что Амур даёт выход на остров Сахалин, богатый каменным углём и рыбой, через Амур проходит удобнейший путь до Камчатки, Америки и островов Океании и без этой реки «никогда не разовьются промышленные силы Сибири».

Переговоры о новой пограничной линии начались 9 сентября 1855 года на русском Мариинском посту близ устья Амура, как это было предложено генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым. Однако, узнав о предложении русской стороны провести границу по Амуру до впадения в него Уссури, цинские представители отказались обсуждать его, сославшись на отсутствие необходимых полномочий [6, с. 211–213].

Но заинтересованность в укреплении дружественных отношений с Россией диктовалась для Китая военно-политическими соображениями. В 1856 году Англия и Франция развязали Вторую опиумную войну, в результате которой в декабре 1857 года англо-французские войска захватили Гуанчжоу и основательно разрушили его, а вслед за тем повели наступление на Тяньцзинь. Пользуясь внутренними затруднениями цинского правительства, Англия пыталась заставить его отказаться от проведения русско-китайских переговоров по вопросам территориального разграничения в Приамурье и Приморье, одновременно призывая своих союзников — Францию и США — к активным действиям против России в Приамурье.

В то же время англичане пытались склонить и Россию к совместному выступлению против Китая и таким путём помешать сближению этих стран. Однако на обращение послов Англии и Франции в Петербурге к русскому правительству с предложением присоединиться к требованиям, выдвинутым западными державами перед Китаем, Министерство иностранных дел Российской империи ответило отказом, а 1 июня 1857 года по поручению возглавлявшего его князя А. М. Горчакова через русского посла в Париже графа

П. Д. Киселёва подтвердило, что в отношении Китая Россия «не присоединится ни к каким насильственным мерам» и «не прибегнет к языку угроз». Совпадение интересов России и Китая в этот конкретный исторический период создавало благоприятную обстановку для дальнейшего русско-китайского сближения [5, с. 306–307].

В начале 1857 года русское правительство приняло решение направить в Китай миссию во главе с вице-адмиралом графом В. Е. Путятиным, которому поручалось провести переговоры о распространении на Россию тех льгот для морской торговли в открытых портах, какие были получены иностранными государствами, а также о дальневосточных границах с Китаем. Путятину, направившемуся в Пекин через Кяхту, были даны строгие указания не вмешиваться во внутренние дела Китая, добиваясь решения вопросов дипломатическим путём. Инструкция, данная ему русским правительством, предписывала заключить новый трактат с Китаем, причём первый пункт этой инструкции подчёркивал: «Из всех вопросов, решение которых обращает на себя особое внимание, первый и самый главный должен состоять в определении прав наших на реку Амур» [4, с. 437].

Позиция правительства Российской империи в отношении Китая в этот период достаточно ясно была выражена директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевским. «Интересы наши [в Китае] слишком отличны от интересов других европейских держав... — писал он, — взятие европейцами Пекина, как и взятие англичанами Герата, будет для нас одинаково чувствительно и не дозволит нам ни в коем случае оставаться равнодушными зрителями: первое — парализует все наши начинания на берегах Великого океана и Амура; второе — ставит во власть англичан всю Среднюю Азию».

Цинские власти, однако, отказались пропустить Е. В. Путятину в Пекин, и он вынужден был по Амуру спуститься в Николаевск и оттуда морем на пароходе «Америка» отправиться в Тяньцзинь. Путятину и здесь долгое время не удавалось приступить к переговорам с цинским правительством, которое объясняло свою позицию различными причинами, в том числе и тем, что Тяньцзинь «собственно, ни есть место для приема послов». В одном из ответов китайской стороны указывалось, что вопрос о границе должен быть решён на месте, и Е. В. Путятину рекомендовалось вернуться на границу.

Глава Русской духовной миссии в Пекине архимандрит Палладий ещё до приезда Путятину сообщал Н. Н. Муравьёву, что уклончивая позиция Китая объясняется опасениями, как бы урегулирование этого вопроса не побудило Англию выдвинуть новые требования и объединиться с повстанцами против цинской династии. Последующие переговоры показали, что даже среди высших сановников

цинского двора имелись сторонники сближения с Россией и быстрого урегулирования пограничных, навигационных и торговых проблем.

Ситуация, сложившаяся в ходе переговоров Е. В. Путятину, убеждала русское правительство, что надеяться на быстрое достижение соглашения не приходится и целесообразнее продолжить переговоры о границе на Амуре, куда, по имевшейся информации, цинские чиновники готовы были направиться. К тому же Путятин не всегда действовал в соответствии с директивами правительства и в некоторых случаях вносил не соответствующие политике России предложения. Так, на Особом совещании с участием министров было отклонено его предложение об оказании давления на Китай путём присоединения к западным державам и применения силы.

5 января 1858 года (24 декабря 1857 года по старому стилю) Е. В. Путятину была направлена следующая инструкция: «Интересы наши и западных держав так различны, что для нас права и преимущества, которые последние могут вытребовать для себя на китайских морях, недостаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе».

Ещё в конце 1857 года китайская сторона (Лифаньюань) была уведомлена, что продолжение переговоров об уточнении границы вдоль Амура и Уссури и о плавании по этим рекам поручено Н. Н. Муравьёву. 10 мая 1858 года в Айгуне (на правом берегу Амура, в Айгуньцуне — 35 км ниже современного г. Хэйхэ) Муравьёв встретился с уполномоченным цинского императора — хэйлунцзянским главнокомандующим И Шанем. В ходе шестидневных переговоров стороны предъявляли друг другу разнообразные претензии в несоблюдении прежних договоров. Так, китайская сторона выразила недовольство тем, что Россия заселяет левобережные земли Амура якобы в нарушение Нерчинского договора 1689 года. Представители русского правительства подчёркивали, что Китай первым нарушил Нерчинский договор, поселив группу маньчжуров в устье Зеи. Они выражали неудовлетворение в связи с тем, что на предложение России совместно оборонять Амур от угрозы вторжения западных держав не было дано ответа. Далее русская сторона отмечала, что цинские власти были своевременно уведомлены о перевозке русских войск по Амуру и учреждении на левобережье Амура военных постов. На переговорах подчёркивалось, что отказ цинских властей принять русского посла также является нарушением Нерчинского договора [5, с. 308–309].

Наконец, 16 мая 1858 года (28 мая по новому стилю) был подписан русско-китайский Айгунский договор. По предложению китайской стороны в его преамбуле было указано, что договор заключён «по общему согласию,

ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для защиты от иностранцев». В переговорах стороны не пришли к соглашению об установлении границы по реке Уссури и далее до моря. Китайские представители пытались уверить, что в Уссурийском крае имеются земли родоначальников маньчжурской династии, и они не вправе решить вопрос о границе в Уссурийском крае. В связи с такими возражениями окончательная граница была определена лишь по Амуру до Уссури. «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, — говорилось в ст. 1 договора, — да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до р. Уссури, владением Дайцинского государства». Что же касается территории «от р. Уссури далее до моря», то эти места и земли, указывалось в договоре, «впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государства». В этой статье также предусматривалось, что «по рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно» [3, с. 18].

Айгунским договором были устранены территориальные ограничения в русско-китайской торговле, предусмотренные Кяхтинским договором (1727 г.): «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств».

В Айгунском договоре отсутствуют какие-либо неравноправные условия. Вполне понятно поэтому, что в соответствии с решением Государственного совета от 2 июня 1858 года цинский император поспешил в указе объявить об утверждении всего, «о чем ведены были переговоры». При этом обратился к русским с призывом употребить «усилие усювестить англичан и французов, положить предел их несправедливым требованиям».

Российский император Александр II ратифицировал Айгунский договор 8 июля 1858 года и сделал на его тексте надпись: «Лучшего мы желать не можем».

Этот документ необходимо рассматривать в тесной связи с Тяньцзиньским договором. Практически в это же время Е. В. Путятину пришлось вести переговоры о заключении нового российско-китайского трактата в сложных условиях дипломатического лавирования и посредничества между цинским правительством и представителями Англии и Франции. Цинские сановники отказались обсуждать с Путятиним территориальные вопросы, сославшись на то, что на Амуре уполномоченным цинского правительства

И Шанем были возобновлены переговоры с Н. Н. Муравьевым о разграничении в Приамурье.

1 июня 1858 года, спустя две недели после заключения Айгунского договора, Е. В. Путягиным в Тяньцзине был подписан общий трактат об условиях политических взаимоотношений России с Китаем. Статья 9-я нового договора гласила: «Неопределенные части границ между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах» [4, с. 484–485].

Таким образом, Айгунский договор являлся прелиминарным и находился в таком же отношении к Тяньцзиньскому, как Буринский к Кяхтинскому. Через три дня после подписания трактата цинские власти официально сообщили Е. В. Путягину об утверждении императорским указом всех статей Тяньцзиньского трактата, равно как и «новой границы между Китаем и Россией, по соглашению генерал-адъютанта Муравьева с главнокомандующим войсками Хэйлунцзян-округа И Шанем».

В ноябре 1860 года положения двух вышеназванных договоров подтвердил Пекинский дополнительный договор, по которому граница между Российской и Цинской империями на её восточном участке была проведена по пограничным рекам и суше от Монголии до Северной Кореи. «Красная черта» прошла вблизи китайского берега пограничных участков рек Аргуни, Амура, Уссури, Сунгачи, озера Ханка и далее по водораздельным хребтам до реки Туманной и по ней до моря [4, с. 352–354].

Айгунский договор явился важной вехой в отношениях между Россией и Китаем. Правда, некоторая часть высших маньчжурских сановников, всё ещё мечтавших воскресить экспансионизм цинских богдыханов XVII века, встретила его неодобрительно. Однако их позиция не соответствовала реальному положению Китая в середине XIX века, когда главные интересы китайского народа состояли в том, чтобы сохранить государственную независимость и территориальную целостность страны. Китай был не в меньшей степени, чем Россия, заинтересован в нормализации русско-китайских отношений, чему и соответствовали условия Айгунского договора.

Итак, разграничение 1858 года делимитировало русско-китайскую границу по Амуру. Необходимость пересмотра в этом плане Нерчинского трактата 1689 года заключалась не только в неопределённости его территориальных статей, но и в том, что большинство его положений устарело и

утратило силу, так как было нарушено цинским правительством. Территориальные статьи договора были нарушены маньчжурами самовольным переносом границы с Большой Горбицы (река Амазар) на Малую (приток реки Шилки) и отбрасыванием при публикации положения договора об оставлении земель в Приморье неразмежёванными. Кроме того, не пропустив в 1805 году в Пекин посольство Ю. Головкина, маньчжуры нарушили 5-ю статью Нерчинского договора о свободном проезде подданных обоих государств. Постановления Нерчинского договора о свободе торговли и юрисдикции были давно уже заменены соответствующими статьями Кяхтинского трактата и дополнениями к нему, подписанными в 1768-м и 1792 году. Естественно, при таком положении царское правительство имело полное основание потребовать пересмотра договора, тем более что возвращение к разграничению в этом районе было предусмотрено и буквой, и духом Нерчинского и Кяхтинского трактатов. Ввиду соблюдения маньчжурами оговорённого ещё в Нерчинске условия не заселять левобережье Амура, территории, находившиеся в силу этого под их неполным суверенитетом, в течение полутора столетий оставались почти пустынными. Само собой разумеется, Цинская империя вынуждена была бы рано или поздно и со своей стороны также попытаться пересмотреть условия Нерчинского трактата. Первым шагом маньчжурского правительства в этом направлении было создание в устье Зеи военных поселений, произведённое опять-таки в нарушение взятых обязательств.

Айгунский договор, заменивший 1-ю и 3-ю статьи Нерчинского трактата, являлся двусторонним соглашением, направленным в первую очередь против посягательств на район Амура третьих держав. В дипломатических целях эта сторона договора тщательно скрывалась обоими правительствами. При публикации русского текста договора опускалась часть преамбулы, гласившая, что он заключён «для охранения от иностранцев». В китайских изданиях целиком опускалась вся преамбула.

Эта направленность нашла своё отражение и в формулировке 1-й статьи договора — о судоходстве по Амуру, Сунгари и Уссури, разрешавшей плавание по этим рекам лишь судам России и Китая. Следует отметить, что в нарушение этого условия Китай до конца XIX века не допускал плавание русских судов по Сунгари.

При подписании договора русский представитель пошёл на уступку цинской стороне и согласился на оставление на прежних местах маньчжурских жителей, воздвигнувших в нарушение Нерчинского трактата поселения близ устья Зеи. Эти подданные цинского Китая оставались «вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали».

Означало ли это положение договора одновременно и уступку цинскому Китаю части территории в указанном районе? Нет, не означало. Формулировка текста договора ясно показывает, что оба правительства позаботились об охране интересов указанных жителей не отграничением заселённых ими земель в пользу Китая, а лишь договорённостью относительно защиты их прав маньчжурским правительством. Эта формулировка предполагала возможность совместного проживания на этой территории русских и цинских подданных, что было осуществимо лишь при верховной власти на ней русского правительства, которое и должно было следить за своими подданными, чтобы они не чинили маньчжурам обид и притеснений. Последние же, пользуясь правом экстерриториальности, в случае конфликтов могли апеллировать к своему правительству. В связи с этим совершенно несостоятельными выглядят попытки некоторых современных американских авторов трактовать территорию Зейской низменности как спорную, оставшуюся по Айгунскому договору за Китаем и позже захваченную Россией. Эти авторы идут на сознательную подмену понятий «население» и «территория».

Айгунский договор вернул России не все земли, уступленные ею в пользу Цинской империи при разграничении 1689 года. Статья 2-я Нерчинского трактата, по которой маньчжурам был отдан правый берег Аргуни, осталась без изменений [6, с. 311–313].

Хотя Айгунский договор не содержит неравноправных статей, однако в китайской и некоторой части советской историографии разграничение 1858 года часто трактовалось как «захват» Россией части китайской территории. Эта точка зрения является тенденциозной и не подтверждается конкретным историческим материалом. Установлением границы по Амуру Цинской империи пришлось вернуть России земли, отторгнутые от неё в конце XVII века. Причём пересмотр границы явился не результатом военных действий или демонстрации силы, а итогом многолетних (от посольства В. Ф. Братищева до подписания Айгунского договора прошло 100 с лишним лет) дипломатических переговоров заинтересованных стран.

Айгунский договор не решил всех пограничных вопросов. Он закреплял за Россией территорию, с которой она вынуждена была уйти в соответствии с Нерчинским договором 1689 года. За Цинской империей (ныне — КНР) остались русские земли по правому берегу реки Аргуни, а также земли бывшего Албазинского воеводства по правому берегу Верхнего и Среднего Амура. Но, опираясь на этот и Тяньцзиньский договоры, в ноябре 1860 года стороны подписали Пекинский дополнительный договор, о чём уже было сказано выше. Так была установлена государственная граница между Россией и Китаем на всей восточной части.

Таким образом, стороны определили пределы своих территорий от берега пограничной реки, острова на реках не делили, территории восточнее рек Амура и Уссури оставляли неразграниченными. Карты к этому договору не прилагали. Этими недостатками и воспользовалось правительство Китайской Народной Республики в середине 1960-х годов для нагнетания обстановки на границе и предъявления Советскому Союзу различных претензий. Как известно, в 1969 году на границе по вине китайской стороны были развязаны вооружённые конфликты. В результате длительных переговоров многие вопросы были урегулированы, но за счёт российской территории. Но это уже следующая страница истории межгосударственных отношений...

Веда речь об Айгунском договоре, нельзя не сказать о замечательных людях, внёсших громадный вклад в это историческое событие.

Айгунский договор — вершина дипломатического искусства генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва. Царь высоко оценил его продолжительную службу собственно в Восточной Сибири, но в первую очередь многотрудную деятельность по освоению и закреплению за Россией далёкой и практически не освоенной окраины. Ему был дарован титул графа Амурского [1, с. 527–528].

В этой связи напомним, что уже в 1849 году Н. Н. Муравьёв первым из губернаторов совершил служебное путешествие в Аян, Охотск и на Камчатку, в ходе которого изучал вверенный ему край, формулировал выводы и предложения для царского правительства. Не упова на мудрость далёкого Петербурга, часто принимал самостоятельные решения с последующим докладом царю. Для защиты Тихоокеанского побережья и Камчатки от англо-французского вторжения в 1854 году организовал первый сплав войск по Амуру. Потом были проведены ещё несколько сплавов. В 1851 году добился образования Забайкальского казачьего войска, а в 1860-м — Амурского. Так что казаки сразу же приступили к охране нового рубежа по Амуру и Уссури. Подписанию пограничного договора предшествовало и изучение края научными экспедициями.

Заслуги генерал-губернатора были отмечены: в 1891 году в Хабаровске был установлен памятник Николаю Николаевичу Муравьёву, простоявший на берегу Амура до 1925 года. Он вновь был восстановлен в 1992-м. По четырём сторонам цоколя на бронзовых досках были выбиты имена многих сподвижников генерал-губернатора, участников великого дела, в том числе и его супруги Екатерины Николаевны Муравьёвой. На доске с северной стороны запечатлены имена тех, кто присутствовал при заключении Айгунского договора.

Известно, что в историю освоения Приамурского края определённый вклад внесли участники Амурской экспедиции во главе с контр-адмиралом Геннадием Ивановичем

Невельским. На доске с западной стороны начертаны их имена, в том числе и супруги начальника экспедиции Екатерины Ивановны Невельской.

Контр-адмирал Пётр Васильевич Казакевич ещё с 1849 года, когда вместе с Г. И. Невельским прибыл в устье Амура, выполнил ряд важных заданий в интересах решения амурского вопроса. В 1856 году он был назначен первым военным губернатором Приморской области с центром в Николаевске-на-Амуре. Это он встречал Н. Н. Муравьёва в конце мая в устье Усури, и в его честь генерал-губернатор назвал строящуюся там станицу Казакевичевой.

Генерал-майор Михаил Семёнович Корсаков тоже был удостоен высоких наград в связи с заключением Айгунского договора. Как офицер по особым поручениям при Муравьёве (с 1848 г.) и организатор экспедиций по Амуру, он внёс большой вклад в освоение Приамурья. С 1862 года М. С. Корсаков — генерал-губернатор Восточной Сибири.

До сегодняшнего дня существуют сёла (бывшие станицы) Казакевичево, Корсаково, Невельское. Они как памятники не только этим офицерам, но и сотням русских людей, потом и кровью закрепивших дальневосточный край за Россией [6, с. 286–292].

Достойны всяческого упоминания и сподвижники Н. Н. Муравьёва — иерархи Русской Православной церкви на далёкой окраине. Это архиепископ Иннокентий (Вениаминов), урождённый сибиряк. Он был не только миссионером, но и просветителем и учёным. Святитель Иннокентий всемерно помогал Н. Н. Муравьёву в его непростой деятельности по заселению и обустройству громадных пространств Восточной Сибири и Дальнего Востока. Такую же работу проводил и протоиерей Александр Сизых.

После подписания Айгунского договора в Усть-Зейском посту состоялись большие торжества, соответствующие историческому событию. Преосвященный Иннокентий открыл крестный ход к походной Николаевской церкви при участии всего тогдашнего населения станицы с духовой музыкой, привезённой Муравьёвым из Иркутска, и импровизированными певчими. В походной церкви граф и святитель коленапроклонённо возблагодарили Господа за возвращение в достояние Российской державы Амурского края. А в знак сего в двух сажнях от храма, на южной стороне его, воздвигнуто было государственное знамя, показывавшее, что отныне и навсегда страна Амурская принадлежит русскому государству.

После благодарственного молебна святитель Иннокентий обратился к генерал-губернатору с речью: «Наконец Господь помог тебе совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог, устроивший это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия... Не время и не место исчислять все твои заботы, усилия, труды, борения... Их вполне может оценить только будущее население края и история» [2, с. 206].

Затем Н. Н. Муравьёв отдал по Забайкальскому казачьему войску и военным управлениям по Амурской линии следующий приказ: «Товарищи! Поздравляю вас, не тщетно трудились мы, — Амур сделался достоянием России, святая церковь молится за нас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом его вновь приобретенная страна, — ура!» [1, с. 514].

Приказ был прочитан перед казаками Благовещенска и сотнями Забайкальского казачьего войска. Праздник носил большой эмоциональный заряд и имел громадное воспитательное значение.

Здесь же отметим, что Благовещенск — один из старейших городов Дальнего Востока России, занимает особое место в освоении Приамурья. За два года Усть-Зейский военный пост превратился в город и административный центр вновь созданной Амурской области.

Особо подчеркнём, что многие исследователи незаслуженно забывают о большом вкладе в возвращение России в Приамурье и Приморье ещё двух правительственных экспедиций. Если о дипломатической экспедиции адмирала Е. В. Путятина кратко сказано выше в связи с заключением Тяньцзиньского договора, то сведения о беспримерном вкладе Забайкальской секретной экспедиции подполковника Н. Х. Агте стали доступными лишь недавно.

Итоги Забайкальской экспедиции таковы: она продолжалась три года — с 1849-го по 1852 год. Было обследовано около трёх миллионов квадратных километров, и большая часть этой территории фактически открыта заново. Протяжённость маршрутов участников экспедиции превышает 20 тысяч километров, определены координаты 75 пунктов и составлены наиболее точные для того времени карты обследованной территории: Байкала, Даурии, Станового хребта и Буреинских гор; собраны обширные сведения о растительности, животном мире, климате, полезных ископаемых Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Главным же итогом экспедиции были сведения, позволившие включить в состав России Восточное Приамурье и давшие возможность Н. Н. Муравьёву провести переброску войск по Амуру во время Крымской войны в 1854 году, что способствовало успешной обороне устья Амура, Приморья, Петропавловска-Камчатского.

Оценивая в целом Забайкальскую экспедицию Н. Х. Агте, подчеркнём главное.

1. Это убедительный пример верной оценки императором России Николаем I геополитической обстановки и принятия упреждающего решения по парированию возникшей угрозы российским владениям на тихоокеанском побережье Азии и Америки.

2. Забайкальская экспедиция сыграла важную роль в процессе становления современной российско-китайской

границы. Масштаб её деятельности и полученные результаты по ряду параметров превышают значение Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Она фактически разрешила пограничный вопрос, который встал перед Петербургом в конце 1840-х годов. Члены экспедиции доказали, что груды камней, найденные А. Ф. Миддендорфом на Становом хребте и принятые им за цинские пограничные знаки, таковыми не являлись, что Становой хребет не упирается в Охотское море и не может служить в качестве пограничного. Вследствие чего Петербург отказался от идеи проведения границы с Цинской империей по Становому хребту, к которой он склонялся до этого. Это положение довольно сложно было соотносить с положением Нерчинского договора и с географией Приамурья, поэтому требовалось заменить этот договор новым, так как на Нижнем Амуре проживали независимые от Китая племена.

Забайкальская экспедиция обнаружила ряд нарушений Нерчинского и Кяхтинского трактатов цинской стороной, что давало России повод к односторонним действиям и пересмотру прежних договоров. Результаты экспедиции побудили руководство Российской империи пойти на ревизию русско-цинской границы на Дальнем Востоке, установление в 1853 году новой границы в Приамурье и присоединение Нижнего Амура.

Эти итоги вместе с другими факторами позволили Петербургу инициировать переговорный процесс с Пекином с использованием новейших научных сведений о регионе. Это привело, в конечном итоге, к заключению Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров, оформивших современную границу между Россией и Китаем на основе широко распространённой тогда теории «естественной границы» (по Амуру), предложенной Н. Х. Агте и другими участниками Забайкальской экспедиции.

З. Н. Н. Муравьёв, став координатором работы двух экспедиций, синхронизировал комплексное исследование обширного района от побережья Тихого океана до реки Шилки. Этим шагом он невольно отстранил чиновников из Петербурга от излишнего контроля за деятельностью Н. Х. Агте и Г. И. Невельского, ведущего к замедлению темпов их работы. В итоге обе экспедиции были завершены до начала Восточной (Крымской) войны.

Так началось окончательное утверждение России в Приамурье. Забайкальская экспедиция стала крупным шагом в восстановлении суверенных прав России на Дальнем Востоке [6, с. 195–196].

Успешное начало переговоров по Айгунскому договору дало Н. Н. Муравьёву возможность ускорить основание военного поста в заранее выбранном месте. Не дожидаясь официального окончания переговоров, он отправил отряд солдат 13-го линейного батальона для закладки военного поста Хабаровки. Капитан Я. В. Дьяченко с этой задачей справился успешно. Поэтому всего лишь три дня разделяют

даты подписания Айгунского договора и закладки Хабаровки, что можно считать и первым вкладом капитана Дьяченко в практическую реализацию этого пограничного документа.

Около шести лет Я. В. Дьяченко проходил службу на хабаровском направлении, где складывающаяся обстановка потребовала от него проявления разносторонних качеств. Успешная деятельность командира батальона на Амуре была замечена генерал-губернатором Восточной Сибири, после чего последовали новые обязанности. С установлением госграницы возникла настоятельная необходимость в организации управления процессом заселения нашей территории. 6 октября 1858 года Н. Н. Муравьёв поручил Я. Дьяченко «главное заведование вновь поселившимися Уссурийского батальона Амурского казачьего войска и заведование туземцами, живущими до Горина вниз по р. Амуру». Все поселенцы по левому берегу Амура и проживающие в этих местах местные жители были в его ведении. Дело в том, что численность туземцев возросла: на русскую сторону Амура потянулись гольды (прежнее название нанайцев), проживавшие ранее по реке Сунгари и пострадавшие от притеснения маньчжур. Поскольку переселение стало массовым, то маньчжурские власти установили военные посты по берегам Сунгари для задержания гольдов, но некоторая часть из них всё же прорвалась в русские пределы.

Известно также, что на следующий год сфера деятельности Я. Дьяченко опять расширилась. 18 сентября 1859 года он получил от генерал-губернатора новое поручение: «заведовать устройством вновь вольно переселившихся из внутренних губерний России казенных крестьян...», что и исполнял до прибытия назначенного исправника, то есть до 18 сентября 1860 года. Перед этим за отличия по службе Я. Дьяченко был произведён в майоры. Очевидно, в этой связи в октябре 1859 года Я. Дьяченко передал свои полномочия по управлению Хабаровкой полицейскому исправнику, а дела военные — начальнику постовой команды.

Яков Васильевич Дьяченко внёс весомый вклад в организацию охраны и защиты госграницы не только на хабаровском направлении, но и на участке границы от станицы Казакевичевой до реки Тумень-Ула. Я. В. Дьяченко командовал своим линейным батальоном до 1863 года. За пять лет батальон, построив Хабаровку и несколько десятков селений, был переведён в пост Камень-Рыболов на озере Ханка, а командир батальона получил новое назначение. Он принял Уссурийский пеший казачий батальон, штаб которого находился в станице Казакевичевой. Около двух лет Я. Дьяченко, теперь уже подполковник, непосредственно отвечал не только за охрану границы по Уссуре, но и продолжал её обустройство. Для несения пограничной службы и поддержания сухопутной связи с южными районами Приморья в середине 1863 года он получает 100 лошадей.

Позже он был назначен начальником Новгородского военного поста в Посьете, но это уже другая страница истории [7, с. 4].

***

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что во второй половине XIX века согласно ст. 1 Айгунского договора был определён участок границы России с Цинской империей по Амуру — от слияния Аргуни и Шилки до реки Уссури. После заключения этого договора освоение русскими людьми Приамурья продолжалось в неослабевающем темпе.

Для Приамурья последняя неделя мая богата событиями пограничной тематики. Истории так угодно было распорядиться, что ежегодно в конце весны отмечаются две символические даты. В этом году хабаровчане будут праздновать 160-летие Хабаровска и Айгунского договора, а также 100-летие образования пограничной охраны России.

Вот такая прямая и непосредственная цепочка причинных связей выстраивается при упоминании Айгунского договора, многие другие положения которого и сегодня актуальны.

Список использованных источников

1. Барсуков, И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский : биогр. материалы по его письмам, офиц. документам, рассказам современников и печат. источникам. Кн. 1 / И. Барсуков ; Приамур. геогр. о-во. — Репр. изд. — Хабаровск : Б. и., 1999. — 672 с.
2. Гладких, Т. И. Иннокентий (Вениаминов) : Ученый, педагог, просветитель : док. повествование / Т. И. Гладких ; [авт. вступ. ст. А. М. Филонов]. — Хабаровск : Приамур. ведомости, 2016. — 334 с.
3. Дипломатический словарь : в 3 томах. Т. 1 : А–И. / гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. — 4-е перераб. и доп. изд. — Москва : Наука, 1984. — 422 с.
4. Дипломатический словарь : в 3 томах. Т. 2 : К–Р. / гл. ред. А. А. Громыко [и др.]. — 4-е перераб. и доп. изд. — Москва : Наука, 1985. — 502 с.
5. Мясников, В. С. Договорными статьями утвердили : Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. / В. С. Мясников ; Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока, Приамур. геогр. о-во. — Хабаровск : Б. и., 1997. — 543 с.
6. Филонов, А. М. Амурская экспедиция Г. И. Невельского. Взгляд из XXI века / А. М. Филонов. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2013. — 334 с.
7. Филонов, А. М. Яков Васильевич Дьяченко — первостроитель, страж границ, военный дипломат / А. М. Филонов // Материалы городской научно-практической конференции, посвящённой 190-летию одного из основателей города Хабаровска, командира 13-го Сибирского линейного батальона капитана Я. В. Дьяченко : [сб. докл., 25 апр. 2007 г.]. — Хабаровск, 2007. — С. 2–7.

Материал поступил в редакцию 09.01.2018 г.

Сведения об авторе: Филонов Александр Михайлович, военный историк, почётный гражданин г. Хабаровска, полковник погранвойск в отставке.